История по-своему разрешила «крестьянский» (он же и «дворянский») вопрос, как он стоял, каким представлялся лучшим нравственным умам России в середине XIX века, – разрешила так, как никто из них не ожидал, не предвидел: простейшей ликвидацией дворянского, помещичьего сословия как такового. Мораль, с ней же и ирония истории тоже проста и предельно доходчива: запутали, «замылили» в корыстных расчётах этот главный на то время политический и стратегический по своему значению вопрос, обленились умом и нравственным чувством, разложились всяко, катаясь на крестьянской – христианской! – спине – так получайте, как ныне говорится, по полной программе…

Точно так же первостепенно стоит сейчас и «русский вопрос» в его широком, не только национальном, но именно государственном, политическом и общенародном значении: опять «россиянское» подавляющее большинство, «быдло» для правящих, всячески попрано, лишено какой-либо исторической перспективы и будто бы утратило право голоса в решении своей собственной судьбы, будто бы даже само отказалось от этого права – как толстовские крестьяне 1856 года: «Вы наши отцы, нам хорошо…» В смысле, нам хорошо в крепостнической неволе – в ответ на сословно эгоистические попытки молодого Толстого освободить их «сверху», пока они не начали самоосвобождаться «снизу».

«Крестьянский вопрос», кстати, уже и тогда был по-своему «русским»: под крепостным и сходным по бесправию казённым «правом» находилось подавляющее (и всячески подавляемое) большинство русских, тогда как правила немецкая, считай, династия с полунемецкой бюрократией и офранцузившаяся (порою до потери родного языка) дворянская верхушка. «Сделайте меня немцем, государь!..» – эти слова генерала Ермолова в ответ на царское «Какую хотели бы награду?» стали классическим примером властного засилия нерусских в Российской империи. Ничуть не лучше положение и сейчас, власть «семибанкирщины» (выдавившей парочку внутренних конкурентов за рубеж, а одного даже на мягкие нары) никто не отменял, она стала лишь более опытной, прикровенной.

Вопрос русский опять о Правде, в социально-нравственном понятии – о справедливости, которой правящий страной корыстный сброд, нынешняя так называемая «элита», не хочет, да и по нехватке интеллекта и полному отсутствию какого-либо нравственного чувства не может разрешать. Но, как один персонаж мой сказал, «правда у нас такие права на человека имеет, каких нигде нету…» «Крестьянский вопрос» после попытки Толстого кардинально разрешился «снизу» через 61 год, в семнадцатом; и мы пока безуспешно спрашиваем себя и других, когда и как будет разрешён нынешний «русский вопрос». А то, что он будет решён историей опять незамысловатым, экономным на ухищрения (но не на человеческую «кровь

невинных») – в этом сомнения у меня лично нет. Созданная преступным сговором бюрократии, олигархата и уголовщины («кому на Руси жить хорошо») паразитическая Антисистема в нынешней Эрэфии неостановимо пожирает государство, народ и самоё себя, извращая всё должное в жизни до полной, отрицающей всё и вся противоположности, сделав всеобщую деградацию единственным вектором «движения в никуда». А фактическая потеря суверенитета, категорически обусловленная активами нашей «элиты» на сумму в полтриллиона долларов в западных банках (в чужом кармане, то есть), превращает всем известных «агентов влияния» Запада в РФ и всех «вкладчиков» в чужую экономику, включая Минфин, в агентов прямого действия. Для верности сошлюсь на Збигнева Бжезинского, недавно назвавшего российскому интервьюеру эту цифру и с усмешкой добавившего: «Вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?..»

А ведь рано или поздно, а придётся разобраться.

Упомянутая попытка 28-летнего Льва Николаевича, хорошо известная по «Дневнику помещика», зашла в тупик: его родовой дворянский инстинкт вступил тогда в безвыходное противоречие с доводами совести и разума, упёрся в главный вопрос: кому будет принадлежать земля. «*Я не говорю, чтобы непременно должно было признать эту собственность за помещиком (хотя того требует историческая справедливость), пускай признают её часть за крестьянами или всю даже. Теперь не время думать о исторической справедливости и выгодах класса, нужно спасать всё здание от пожара, который с минуты на минуту обнимет его. Для меня ясно, что вопрос помещикам теперь уже поставлен так: жизнь или земля. И признаюсь, я никогда не понимал, почему невозможно определение собственности земли за помещиком и освобождение крестьянина без земли?..*» Ну, не понимал, и что тут поделаешь?.. И далее: «*... надо печалиться тому общему убеждению, и вполне справедливому, что освобождение необходимо с землёй. Печалиться потому, что с землёй оно никогда не решится...*»

Стоит удивляться предвиденью Толстого: «жизнь или земля». И не меньше удивиться слепому упорству землевладельцев (и Толстого тоже), противоречащих настоящей исторической справедливости, тем паче, что она достаточно ясно осознавалась ими. Ведь после указов Елизаветы и, особенно Екатерины Второй о «вольности дворянству» от общего государственного тягла оно, по сути, утратило и моральное, и отчасти даже юридическое (в тех понятиях) право на пожалованную им для службы именно землю. Хотите – служите, мол, а не хотите – в отставку, в поместья, к дарованной дармовой земле... Всё это обязательное тягло оставили за крестьянством, крепостным в особенности, насчитывающим ко времени Реформы более 20 млн. человек, – не оставив за ними землю... Корысть победила государственный разум, возобладала над справедливостью, и возмездия ждать оставалось, по историческим меркам, недолго, пожароопасность помещичьих усадеб уже к 1905 году стала предельной...

И Лев Николаевич, право же, напрасно сетует на Царя-Освободителя, якобы перехватившего «пальму первенства» у инициатора Освобождения, просвещённого дворянского меньшинства, но не давшего внятного, чёткого плана Реформы, не взявшего, дескать, всю полноту ответственности на себя... Царь (как и Церковь, кстати) и сам был крупнейшим землевладельцем («государственные, казённые крестьяне») и тоже, как часть имущего правящего класса, застрял в тех же роковых противоречиях, сыгравших трагическую роль в судьбе и его династии, и самой России.

Особенно же симптоматично в «Дневнике помещика» это предвосхищающее чувство вины у Льва Николаевича Толстого за все будущие беды, которые грозят стране и родному народу за его личное (и его сословия вообще) эгоистическое упорство в разрешении «крестьянского вопроса», – да, за родовую, сословную, классовую стадность корыстную свою, какую он пока (в том 1856 году) не в силах был преодолеть, вырваться из её гибельных противоречий... И, разумеется, зрелый Толстой выбрал бы справедливое, согласующееся с его совестью и разумом реше-

ние – как выбрал он путь высшей правды в отношениях с самим с собой и с другими людьми, с обществом, государством, с личным Богом, в конце концов. Высшей, но, увы, неосуществимой в жёстких конструкциях реальности ни тогда, ни сейчас, ни в какие будущие времена.

Возвращаясь к современному «русскому вопросу», необходимо признать, что первейшей по своей значимости, стратегической задачей его является государственное воссоединение самого большого в мире разъединённого народа – русского. Преступный во всех отношениях Беловежский сговор трёх выродков – Ельцина, Кравчука и Шушкевича, встреченный сорокаминутной овацией американского Сената, должен быть исторически преодолён любыми способами, вплоть до военных, иначе все наши надежды на приемлемое будущее, по геополитическим раскладам тех же Бжезинского, Киссинджера и других инсайдеров адской политической кухни, попросту будут сведены к нулю. Ибо дом, разделившийся в себе самом, не устоит…

Более чем понятен и социальный его, вопроса, аспект. К убийственной для бывшей великой страны экономической статистике добавляется такая же социальная, с чудовищным неравенством: по подсчётам независимых экспертов, 500 паразитарных семейств-кланов имеют такой же годовой доход, как и остальные 140 с лишним миллионов незадачливых россиян (журнал «Финансы», № 5, 2011 год), а реальный децильный коэффициент (отношение доходов 10 % самых богатых к доходам 10% самых бедных в стране) зашкаливает за 30 раз, – когда «порог народного бунта», по европейским понятиям, составляет 8-10 раз… В недрах этого правящего клана по нестеснительным указкам Запада («Вашингтонский консенсус» и масса других, чаще тайных «соглашений») и вырабатываются ныне важнейшие, зачастую прямо диверсионные для нашей жизни антинародные решения, а пресловутый «тандем» с так называемым правительством и обеими палатами-говорильнями являются лишь рьяными исполнителями, не имеющими никаких реальных самостоятельных властных полномочий. Иначе в два последних тяжёлых кризисных года число миллиардеров втрое не увеличилось бы, а Москва не стала бы их первым по численности в мире и весьма, согласитесь, гнусным притоном.

И в довершение ко всему вот уже третий десяток лет как намеренно запущена в стране «индустрия Ада», нравственного всеразложения и деградации, неприкрытого крушения всех устоев общества, насильственного его раскультуривания, по сути поощряемого сбродной российской «элитой», поскольку цель её – любыми средствами сломить сопротивление народа их алчной власти, опустить всех до себя, сбить все вешки-критерии истины, добра и красоты… Волей-неволей и у нас, на яснополянских наших встречах, эта тема стала постоянной, более чем злободневной, можно сказать – кровоточащей, потому что разруха в душах и головах несравненно опасней, губительней, чем любая другая разруха.

Как видите, тяжесть нынешнего «русского вопроса» (политическую постановку которого эта псевдоэлита и рабски ей прислуживающая либеральная люмпен-интеллигенция ни в коем случае не хотят допустить, применяя жёсткие репрессии по «русской» 282 и другим статьям УК) – тяжесть эта будет куда весомее и трагичнее «крестьянского вопроса» того времени, когда и речи не могло идти ни о распаде России и самого народа, ни о демографическом «русском кресте», не говоря уж о страшном нравственном обрушении верхов общества, да и низов тоже, о тягостном «пораженческом комплексе» в войне, названной «холодной», а по сути – Третьей мировой, перманентной, где главным стало отнюдь не атомное, а организационное оружие.

В прошлом году у нас здесь прозвучал такой посыл: «деньги не имеют идеологии…» Запущен он в общественное сознание во времена «катастройки» и теми же подручными у олигархата политологами, какие до сих пор трубят столь же лживое, противоречащее самым что ни есть очевидным фактам современной действительности: дескать, «холодная война окончена!..»

Но она не может быть окончена, пока существует Запад в его многовековой и, в особенности, современной парадигме агрессивности. Чтобы избежать подозрений в предвзятости, приведу слова весьма известного английского историка и геополитика А.Д.Тойнби: «*Задайте любому народу вопрос, что собой представляет Запад по отношению ко всем народам, и все ответят одинаково: Запад – архиагрессор. И каждый народ найдёт тому множество подтверждений, и, в первую очередь, Россия*» (Л.Жукова. «Литературная Газета», № 18, 2011 г.). Что мы и видим в течение всего лишь какого-то десятка лет на примере Югославии, Ирака, Афганистана, а теперь и Ливии…

Деньги же ещё в античности перестали быть просто обменными знаками и обрели самодостаточное значение, сконцентрировав в себе все мыслимые позывы человеческой корысти и лжи, эгоизма, властолюбия, паразитизма с гедонизмом и прочего, не к ночи помянутого, пушкинский «Скупой рыцарь» тому яркое художественное свидетельство и олицетворение. Их мощь стремительно возрастала, скоро превратившись в самодовлеющую идею, а через неё и в идеологию – самую мощную и постоянно действующую в человеческом мире, породившую и порождающую ныне и присно бесчисленные, в том числе и мировые войны, и бедствия. Чего было больше в крестовых, скажем, походах: идей Христа или идеологии элементарного грабежа, насилия, убийства? Тогда зачем была разгромлена и разграблена братская христианская Византия – в фактическом своего рода военном союзе с сарацинами-магометанами, в их с обеих сторон единой цели? Не приходится доказывать, что походы эти, сказочно обогатившие их ордена тамплиеров, иоанитов, тевтонов и прочих псов-рыцарей, по идее своей были вполне сатанинскими, однозначно полярными учению Христа, христианству как таковому. А вспомнить хотя бы торговлю индульгенциями, нравы Ватиканского двора вообще…

Идеология денег более чем наглядно для нас победила и другую могущественную идеологию, а именно социализма-коммунизма в СССР.

Эта мало сказать – неправедная идеология противостояла, препятствовала должному решению «крестьянского вопроса», она же намертво блокирует решение и нынешнего «русского вопроса», который, хочу подчеркнуть, неразрывно связан с «вопросами» и такими же насущными интересами и проблемами всех других национальностей России.

Она же, кстати, сыграла свою драматическую (и одну из главных) роль в многолетнем семейном кризисе Толстых, хотя, конечно же, далеко не всё там сводилось к деньгам-гонорарам. Лев Николаевич глубоко понимал инфернальную суть денег, тем паче, когда они вырываются из-под контроля и начинают оценивать всё и вся, видел их нарастающую фетишизацию, особенно откровенную, буквально языческую в Америке (более культурные европейцы всё-таки старались «микшировать» эту свою никак не меньшую страсть). И его отношение к деньгам вполне понятно как из многих произведений, так и поступков его, решений, всем известных теперь попыток тайного завещания.

Что особенно характерно в толстовской публицистике последних двух десятилетий, так это его непрестанное изумление перед каким-то фатальным неразумием правителей, не видящих порою самых простых и самоочевидных вещей, проблем, грозящих далеко идущими последствиями, перед нравственной несостоятельностью многих их действий или, наоборот, бездействия, всё перепоручивших громоздкой и косной бюрократической машине…

Прошло, прогромыхало целое столетие, и можно лишь представить гневное недоумение Льва Николаевича, когда бы он увидел, что творится в стране и со страной, с народом его сейчас. И что бы мы ответили на его суровый вопрос: что – прошлое неразумие правителей сменилось теперь полным безумием?..

2011 г.